

СОСЛОВИЕ РУССКИХ ПРОФЕССОРОВ СОЗДАТЕЛИ СТАТУСОВ И СМЫСЛОВ

«В отличие от предшественников авторы видят в университете не просто государственно-учреждение, выполняющее назначенные ему функции, и не только социальную группу с устойчивыми характеристиками. Они рассматривают его как творческое и творимое сообщество, выявляют способы и практики, которыми профессора создавали собственную общность, преодолевали конфликты, репрезентировали себя перед властями, воспитанниками и обществом, переопределяли условия игры, спущенные им сверху, а заодно создавали систему координат, в которой осмыслили ученики и исследователи. Читатель проходит через лабиринты человеческих взаимоотношений, попадает в сложную паутину сокращенных сетей и связей, а по прочтении книги он научается видеть «сквозь» слова и образы, сотворенные профессорами.

Авторы провели комплексную ревизию сферы университетских исследований и подвергли аналитической рефлексии базовые и довольно специфические для нее отношения исследователя, объекта и источника. В результате они предложили методологический инструментарий, использование которого будет необходимым в исследованиях университетского прошлого».

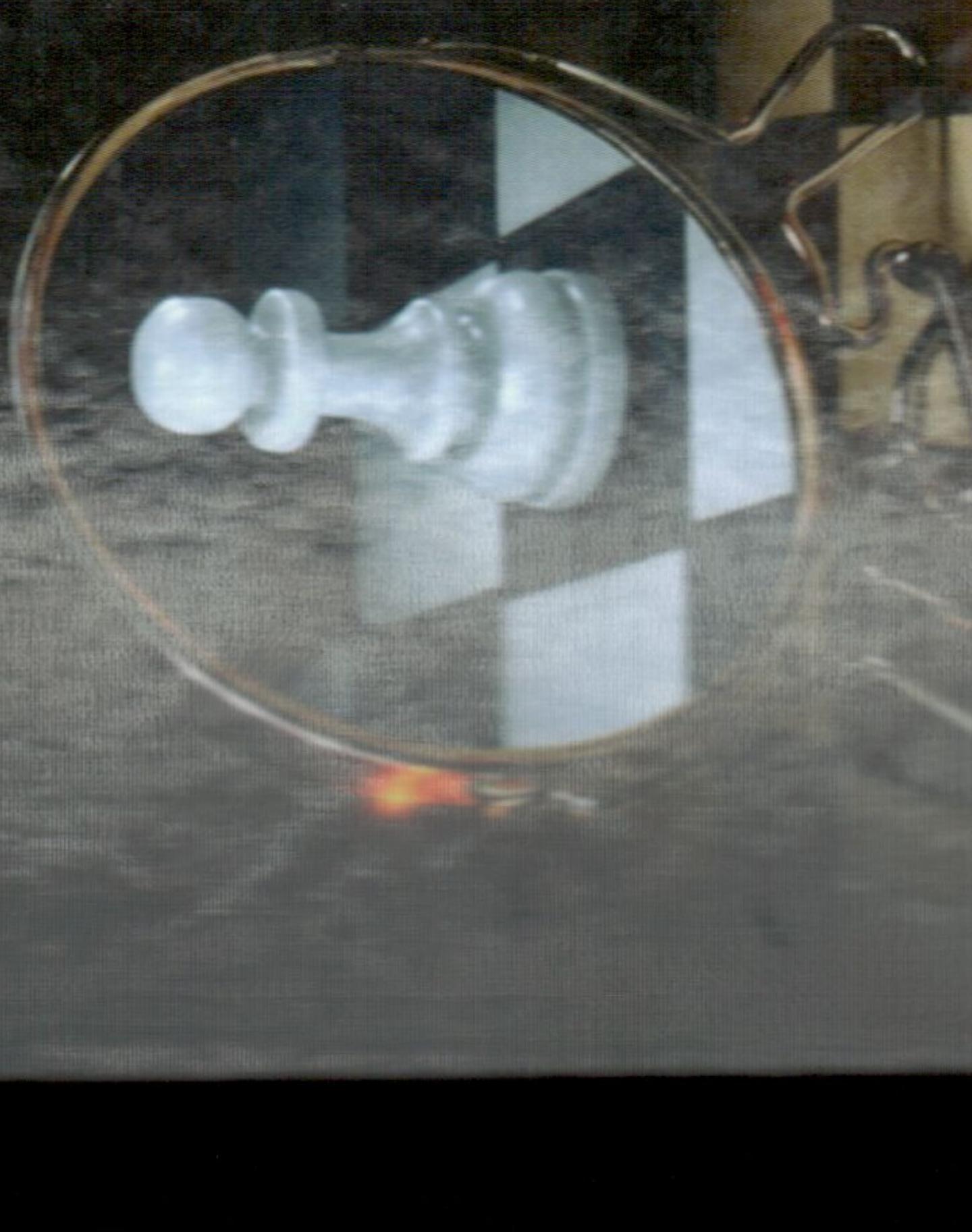
С.Ю. Малышева

СОСЛОВИЕ РУССКИХ ПРОФЕССОРОВ

СОЗДАТЕЛИ СТАТУСОВ И СМЫСЛОВ

СОЗДАТЕЛИ СТАТУСОВ И СМЫСЛОВ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Институт гуманитарных историко-теоретических исследований
им. А. В. Полетаева

**СОСЛОВИЕ РУССКИХ
ПРОФЕССОРОВ
СОЗДАТЕЛИ СТАГУСОВ
И СМЫСЛОВ**

Под редакцией Е.А. Вишленковой и И.М. Савельевой

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва 2013

УДК 378(09)
ББК 74.03
С66

Содержание

Текст монографии подготовлен в ходе реализации проекта
«Конструирование традиции: проблема преемственности и разрывов
в университетской истории России», выполненного в рамках
Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

- С66 **Словарие русских профессоров.** Создатели статусов и смыслов
[Текст]: коллект. моногр. / пер. с нем. К. Левинсона ; пер. с польск.
Д. Добровольского ; под ред. Е. А. Вишленковой, И. М. Савельевой ;
Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т гуманитарных
историко-теоретических исследований им. А. В. Полетаева. — М.:
Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — 386, [6] с. — 600 экз. —
ISBN 978-5-7598-1046-9 (пер.).
- В монографии представлены результаты изучения профессорского со-
словия России как творческого сообщества, создавшего оригинальные тра-
диции, репрезентации, языки самоописания, практики взаимодействия, спо-
собы историзации и классикализации собственной деятельности. Междуна-
родный коллектив авторов работал с университетскими архивами, архивом
Министерства народного просвещения, мемуарами и интервью профессоров,
научными периодическими изданиями, юбилейными историями и публика-
циями торжественных речей. Данные тексты анализировались как единый
рассказ профессоров «о себе», у которого есть замысел, средства воплощения,
работа с потенциальным читателем. Такой подход позволяет освободиться от
социальной магии университета, разгламризовывать знание о нем и увидеть
в нем рукотворное историческое явление, не равное себе во времени и про-
странстве.
- Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся
университетскими исследованиями и историей российской культуры. Она
может быть использована в качестве учебного пособия для обучения на гу-
манитарных факультетах.
- УДК 378(09)
ББК 74.03
- Раздел II. История сравнительная и переплетенная 189
- Я. Кусбер
Трансфер и сравнение: университетские сообщества
России и Германии 191

- E.A. Вишленкова, И.М. Савельева
Университетские сообщества как объект
и субъект описания 5
- O.H. Запорожец
Навигатор по карте историко-социологических
исследований университета 21
- Раздел I. Сообщество по производству текстов 59
- E.A. Вишленкова, А.Н. Дмитриев
Прагматика традиции, или Актуальное прошлое
для российских университетов 61
- И.П. Кулакова
Протоколы конференции Московского университета
как вариант самоописания 96
- A.E. Иванов, И.П. Кулакова
Ипостаси русского профессора: социальные высказывания
рубежа XIX–XX вв. 114
- P.X. Галиуллина, К.А. Ильина
Журналы о себе и для себя: университетские издания
первой половины XIX в. 135
- Б.Е. Степанов
«Натуральное хозяйство»: формы университетской
солидарности и научных коммуникаций
в постсоветский период 169

ISBN 978-5-7598-1046-9

© Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Институт гуманитарных историко-теоретических
исследований им. А.В. Полетаева, 2013
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2013

шлому модели для его организации и современные нам смыслы, мы и наши соавторы анализировали комплексный университетский текст как своего рода палимпсест, пытаясь прочитать под новыми строками старые записи. Соответственно в поле зрения оказывались нарративы разного рода, запечатлевшие многообразие академических практик, — делопроизводственные документы, институциональные истории, самоописания, мемуары, письма, научные труды, периодические издания. Многослойность источниковой основы позволила анализировать университет как систему высказываний и увидеть в профессорском сословии создателей университетской доксы и нарративных идентичностей (а не просто гомогенное сообщество «замечательных образованных людей»).

Пьер Бурдье подразумевал под «доксой» все то, «что университеты считают само собой разумеющимся». Докса регулирует внимание историка и определяет способы осмыслиения им университетской жизни с помощью риторических высказываний и саморепрезентаций, которые вырабатываются поколениями учащихся и учащих. Она реализуется даже через систему мыслительных категорий, усвоенных исследователем в ходе профессиональной социализации. В этой связи нас интересуют не только свидетельства сохранившихся источников, но и особенности производства знаний об университете в целом, мыслительные и вербальные категории, в которых он описывал себя в отчетах и описывается сейчас в исследовании. Понятие «нарративная», или «повествовательная», идентичность использовано в значении, которое придал ей Полль Рикёр, — как самость, которая опосредована рассказами о других и проявляется в повествовании о себе.

Мы сосредоточились именно на этих аспектах истории профессорского сословия для того, чтобы разглаживать язык университетских самоописаний, прессованное знание об университете и мире, которое создали поколения российских интеллектуалов, вышедших из университета или служивших в нем. Прочитывая оставленные нам тексты, мы пытались выяснить, есть ли преемственность в передаче и сокрытии матриц таких рассказов. Эта работа проделана нами не ради ревизионистского пафоса, а ради обновления понимания университета в его прошлом и настоящем.

Мы благодарим за большую помощь, которую нам, как редакторам, оказали при подготовке этой книги сотрудники ИГИТИ — Кира Ильина и Александра Дмитриев.

О.Н. Запорожец НАВИГАТОР ПО КАРТЕ ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ УНИВЕРСИТЕТА¹

Этот текст — своего рода навигатор. Так же как и у его технических аналогов, нарисованная в нем картишка оказывается актуальной лишь на данный момент времени. Однако, несмотря на эту кратковременность, создание такого инструмента показалось мне важным для того, чтобы помочь читателю двигаться в весьма сложном и противоречивом интеллектуальном пространстве университетских исследований. Я хотела дать ему в руки план, где есть знак исходной точки движения, где понятен масштаб объектов и есть четкая система ориентиров. Однако осуществить это намерение оказалось непросто в силу особенностей изучаемого ландшафта, в котором «категории, его образующие, — крайне подвижны, а соответствующие им концепты — изменчивы»².

Стартовой точкой предпринятой ревизии исследовательской литературы стала для меня антропологическая перспектива, отчетливо обозначившаяся в последние годы в исследованиях российской академии³.

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Формирование дисциплинарного поля в гуманитарных и социальных науках», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

² Gumpert P.J. Sociology of Higher Education: An Evolving Field // Sociology of Higher Education: Contributions and Their Contexts / P.J. Gumpert (ed.). Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2007. P. 17.

³ Университет для России. Т. 1. Взгляд на историю культуры XVIII столетия / под ред. В.В. Пономаревой, Л.Б. Хорошиловой. М.: Русское слово, 1997; Университет для России. Т. 2. Московский университет в Александровскую эпоху / под ред. В.В. Пономаревой, Л.Б. Хорошиловой. М.: Русское слово, 2001; Виленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань: Казанский гос. ун-т, 2005; Friedman R. Masculinity, Autocracy and the Russian University. 1804–1863. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2005; Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX в. М.: Знак, 2005; Гришунин П.В. Студенчество стилических университетов: структуры повседневной жизни. 1820–1880-е: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005; Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII в. М.: Новый

Антропологический подход, рассматривающий университетское пространство как находящееся в становлении, формируемое и изменяемое, позволил исследователям проследить, как происходило освоение и обживание университета в качестве учрежденной правителством институции, как осуществлялось ее обогащение собственными жизненными сценариями, шло расшатывание и переопределение действующих правил участниками академической корпорации.

Антропологическая перспектива задала логику сравнения эвристических возможностей различных подходов, а также способствовала обнаружению лакун — слабо разработанных направлений, едва обозначившихся или вовсе отсутствующих тем концептуализации. Отмеченные сложность и изменчивость поля не освободили меня ни от разговора о магистральных направлениях в исследовании университета, ни от внимания к новым подходам и концепциям. Три методологические проблемы: зазор между теоретизацией академии и ее рефлексивным описанием, длительное доминирование макроподхода или «панорамное рассмотрение» университета и университетская докса — являются призмой, сквозь которую я рассматриваю данное предметное поле.

Сам по себе разрыв между теоретизацией и рефлексивным описанием — случай для социальных наук нередкий. Следует признать, что исследования университета располагают достаточно ограниченным методологическим арсеналом, позволяющим менять исследовательскую оптику и формулировать новые исследовательские вопросы. Теоретические рамки конкретных исследований академии редко подвергаются идентификации или рефлексии, а иногда и вовсе отсутствуют в эмпирических работах. С одной стороны, обозначенный зазор является свидетельством слабой концептуализации поля, а с другой — описательный характер значительной части работ обеспечивает свободу исследовательского маневра, дает многообразной и многозначной ситуации шансы попасть в поле рассмотрения исследователя, не будучи жестко структурированной исходными посылками.

На протяжении последнего века университетская жизнь является предметом интенсивного изучения в социальных науках, что под-

тверждается внушительным количеством соответствующих публикаций. Открытость университета влияниям и его способность реструктурировать социальный ландшафт стимулируют изучение академической жизни, поиск категорий и теоретических рамок для ее описания.

Доминирование макроподхода — значимая часть аналитической традиции университетских исследований. Такая перспектива предполагает «панорамное видение», которое контекстуализирует университетскую жизнь, рассматривает вопрос об университете как значимого участника социальных взаимодействий, превращает вопрос об университете как автономии в один из центральных вопросов изучения. При всем различии и несходстве теоретических перспектив, образующих макроподход, его отличительной чертой можно назвать а-историчность, логическим продолжением которой выступает эссенциализация университета — восприятие академии как предзаданного набора социальных функций и структур, призванных обеспечить ее единство и выполнение социальных задач. Единство университета, нередко воспринимаемого как механическая сумма частей, становится исследовательской аксиомой подхода, оставляя в стороне вопросы взаимодействия и динамики. В этой связи особенно важным является рассмотрение университета как системы, находящейся в постоянном становлении, системы, институциональные рамки которой формируются в ходе взаимодействия различных структур и множества агентов, чьи действия упорядочиваются быстрыми конвенциями в не меньшей степени, чем жесткими институциональными установлениями.

Видимо, изучение университета требует особой чуткости от исследователя, связанного с академией как минимум периодом обучения и, как правило, профessionальной карьерой. По оструму замечанию Пьера Бурдье, в отличие от этнографа, одомашнивающего экзотическое, задача исследователя университета заключается в экзотизации домашнего⁴. При этом университет как объект изучения стремится к утверждению собственной непознаваемости, ограничивает возможности критического анализа и разными средствами герметизирует знание о себе.

Нев в последнюю очередь сложность прочтения академической жизни заключается в наличии «университетской доксы»⁵. Она направляет

⁴ Bourdieu P. Homo Academicus. Standford: Standford University Press, 1984. P. XI.

⁵ Категория, предложенная П. Бурдье и означающая «то, что университеты считают само собой разумеющимся, и потому применяют к alma mater мыслительные категории, произведенные ими самими». См.: Бурдье П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений / пер. с фр. Н.А. Шматко // Socio-Logos'96. Альманах

внимание исследователя и обеспечивают ему возможность говорить об университете правило. Действенный способ преодоления этой доктрины Пьер Бурдье видел в «расширенном рационализме»⁶ — постоянной рефлексии процесса познания и осознании его ограничений; в рационализме, оставляющем место воображению, способствующем появлению новых исследовательских траекторий, чему в конечном итоге призван содействовать навигатор, т.е. данный текст.

Университетская макрооптика, или Особенности панорамного видения

Исходной посылкой, определяющей особенности «панорамного видения» университета, является представление о нем как о некоторой целостности — разновидности социального института, особом социальном поле или коллективном агенте. Факт существования университета, выступающего своеобразным механизмом сборки, объединяющей силой для различных внутренних структур и групп или действующего как самостоятельный агент на публичной арене, в данном случае не подвергается сомнению.

Подобная установка ряда исследователей остается непоколебимой, несмотря на результаты аналитических проектов, показавших диффузность современного университета, утрату им способности служить интересами, противоречивыми для входящих в него структур и групп, обладающих терриориющей силой для входящих в него структур и групп, обладающих были озвучены почти 50 лет назад в речи президента Калифорнийского университета Кларка Керра, использовавшего понятие «мультиверситет» для обозначения академической раздробленности, превращающей единую ранее корпорацию в «совокупность отдельных факультетских антрепренеров, объединенных общими переживаниями относительно парковки»⁷.

Макрооптика обеспечивает исследовательское видение университета в качестве особой социальной структуры, включенной в многообразие

разные структурные взаимодействия, определяющие ее устройство, и в то же время обладающей возможностью трансформировать существующий социальный ландшафт. Основные приоритеты макроанализа вполне могут быть сформулированы и в логике от противного: «Непосредственное окружение, в котором существует университет, не играет [для его исследователей] ... никакой роли»⁸. Понимание университета как структуры вполне предсказуемо волплощается в рассмотрении его вне пространства, конкретных персонажей, заменяемых ролями или абстрактными группами, значимых контекстов, определяющих течение университетской жизни.

Применяемая в исследованиях университета макрооптика создается причудливым сочетанием различных теоретических подходов: функционализма и неофункционализма, концепцией автономии Пьера Бурдье и неовеберянства. И если функционалистский подход, исходящий из представления об университете как об образовательном институте, обладающем вполне определенным и стабильным набором функций, многократно подвергался критике и утратил свое значение, то неовеберянский подход и концепция Бурдье придали панорамной оптике новых жизненных сил и до сих пор определяют мейнстрим социальных наук.

Особенности функционалистского подхода

Используемая в функционализме макроперспектива, фокусирующаяся на образовательной системе в целом, как правило, игнорировала самостоятельную ценность университета, определяя его как одну из организаций, реализующих общую задачу образовательной системы — трансляцию знания: «Ясно, что образование как социальное явление в содержательном отношении есть не что иное, как передача знания, его восприятие и усвоение (приобретение, присвоение) в ходе социального взаимодействия педагогов и учащихся»⁹.

Реакцией на подобное сужение исследовательского фокуса стали, с одной стороны, жесткая внешняя критика функционализма, а с другой

российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской академии наук. М.: Socio-Logos, 1996 [Электронный ресурс]. Социологическое пространство Пьера Бурдье. URL: <http://bourdieu.name/content/burde-universitetskaja-doksa-i-tvorchestvo-protiv-sholasticheskikh-delenij> (дата обращения 16.09.2012).

⁶ Там же.

⁷ Kerr C. The Uses of the University. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. P. 15.

⁸ Maupier T. Университет и (его) город: новая перспектива для исследования истории российских университетов // Университет и город в России: (начало ХХ в.) / под ред. Т. Маупиер, А.М. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5.

⁹ Зборовский Г.Е. Социология образования и социология знания: поиск взаимодействия // Социологические исследования. 1997. № 2. С. 13.

стороны, внутренняя ревизия подхода, воплотившаяся в основных положениях неофункционализма. Резкие критические замечания, адресованные функционализму, во многом способствовали формированию альтернативных концепций (в частности, исследований университетской повседневности), преодолевающих столь характерные для подхода а-историзм, редукционизм и восприятие предзаданности социальных функций университета. Так, Кеннет Р. Миноут еще в 1973 г. отмечал: «Привычка рассматривать университет с точки зрения функционализма стала столь распространенной, что претендует на статус исторической правды... Такие функциональные интерпретации, принимающие во внимание лишь ограниченное число обстоятельств, отдают произволом и догматичностью и не имеют ничего общего с многообразием университетской жизни [курсив мой. — О.З.]... Мы обращаемся к по-вседневной жизни, чтобы отделить сущность от функции»¹⁰.

Появление неофункционализма было вызвано стремлением преодолеть типологизацию, абстрактность в рассмотрении университета. Примененный для описания разрозненной и разнообразной американской академии неофункционализм указывал на значимость изучения конкретных университетов, отличающихся условиями деятельности, качеством образования, ролью в воспроизведстве социальной элиты¹¹. Вместе с тем он сохранил универсалистские установки — в центре его внимания оказывалось взаимодействие университетов и социальных систем¹². При этом логика их взаимодействия определялась аксиоматично понятыми функциями академии — подготовкой профессионалов и воспроизводством элиты. Задачи отдельного университета описывались в терминах «организационной хартии»¹³ — договоренности между университетом и другими социальными структурами на право «изменения людей», т.е. особенно тщательного отбора поступающих для их последующей статусной мобильности: «Каждая социализирующая организация обладает важнейшими чертами, расположеными вне ее

собственной структуры и образующими особые отношения с ее социальным окружением... Каждый знает, что определенные школы или типы школ выпускают успешных людей, и если они знают, что другие — работодатели, различные структуры, связанные с трудоустройством, — знают и принимают это, то школы становятся обладателями бесценного ресурса в обозначении своих требований к поступающим»¹⁴.

Организационную хартию нельзя назвать универсальным социальным соглашением. Предполагалось, что она заключается между конкретными социальными агентами и зависит от их особенностей. Характер хартии, заключаемой между университетами и работодателями, во многом определяла сага — «особая организационная идентичность и традиция»¹⁵. Воплощаясь в специфических практиках взаимодействия (отношениях студентов и профессоров, между университетских контактах, связях с работодателями), сага рассматривалась как условие, обеспечивающее появление навыков, делающих вертикальную мобильность выпускников университета не только возможной, но и весьма успешной.

Признание образования и обеспечения социальной мобильности важнейшими задачами университета предопределило интерес неофункционалистов к двум основным участникам внутриорганизационного взаимодействия — преподавателям и студентам. Фигура бюрократа, или администратора, как профессионального управленца, обеспечивающего реализуемость образовательных технологий, не считалась сколько-нибудь значимой для достижения университетом его основных целей.

В российских социальных науках позиции функционалистского анализа университета были поколеблены лишь в начале 2000-х годов. Прежняя его живучесть обеспечивалась господством в советской гуманитаристике структурного функционализма. В отечественной версии функционализма университет рассматривался как сложносоставная структура — единство функциональной, социальной, организационной и нормативной составляющих¹⁶, своеобразная «фабрика кадров», основная цель которой (определенная потребностями общества в це-

¹⁰ Minogue K.R. The Concept of a University. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1973. P. 2–4.

¹¹ Clark B. The Distinctive College. Conditions of Diffuse Socialization in Schools / W.R. Scott (ed.). // Social Processes and Social Structures: An Introduction to Sociology. N.Y.: Henry Holt Co., 1970. P. 564–578.

¹² Что в определенной степени сближает перспективы неофункционализма и неовеберianства, сходство которых отмечается рядом аналитиков.

¹³ Meyer J.W. The Charter: Conditions of Diffuse Socialization in Schools / W.R. Scott (ed.). // Social Processes and Social Structures: An Introduction to Sociology. N.Y.: Henry Holt Co., 1970. P. 564–578.

¹⁴ Цит. по: Kamens D. Op. cit. P. 354.

¹⁵ Clark B. The Distinctive College; Kamens D. Op. cit.

¹⁶ Иванов С.В., Оситов А.М. Университет как региональная корпорация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 4. С. 162–172.

дом и государством как основным социальным институтом) состояла в образовании и подготовке специалистов.

Академическая автономия: противоречия и взаимодействия

Метафора «панорамного видения» вполне может быть применена к работам Пьера Бурдье, посвященным академии. Будучи одной из основных сюжетных линий, постоянным предметом рефлексии, академия для Бурдье — это прежде всего социальная структура, включенная в сложную сеть взаимодействий и противостояний. Основные вопросы, сформировавшие авторскую оптику, — это вопросы автономности академического пространства, специфики символического производства и роли академии в нем, академические противоречия и конфликты.

Вопрос об автономии предполагает проблематизацию сочетания собственной логики действия и подчиненности университета общим социальным закономерностям, а также логикам, задаваемым влиятельными полями (политическим, экономическим и пр.)¹⁷. Исследовательская задача Бурдье выходит за пределы констатации факта академической автономии и заключается в определении механизмов, обеспечивающих ее обособленность, а именно: «какие механизмы использует микрокосм, чтобы освободиться от... внешних принуждений и быть в состоянии признавать только свои собственные внутренние детерминации»¹⁸. Одним из основных способов обеспечения автономии Бурдье считает рефракцию — «способность переводить внешние принуждения и требования в специфическую форму. ...Чем более автономно поле, тем сильнее его способность к рефракции, тем больше изменений претерпевают внешние воздействия, часто до такой степени, что становится совершенно неузнаваемыми»¹⁹. Таким образом, уровень автономности академического поля определяется силой его рефракции и радикальностью изменения внешних принуждений, степенью их приспособления к внутренней логике академии.

Автономность определенного поля может быть представлена как континuum, где полюсу автономии противостоит гетерономия — способность внешних систем определять логику поля, основанную на слабости его сопротивления внешним принуждениям, ограниченной способности его участников отстаивать свою логику, защищать значимость собственных позиций и компетенций. Бурдье иллюстрирует идею гетерономии, обращаясь к типичным опытам социальных наук: «одна из основных трудностей, с которыми сталкиваются социальные науки в своем стремлении к автономии, состоит в том, что малокомпетентные с точки зрения специфических норм поля люди имеют возможность вторгаться в него, действуя от имени гетерономных принципов, вместо того чтобы быть немедленно дисквалифицированными»²⁰.

По мнению Бурдье, академическое поле может представлять и как целостность, и как фрагментированность. Последнее возможно, если разные части поля обладают разной силой сопротивления внешнему давлению.

Формулируя концепцию академической автономии, Бурдье идеально точно схватывает и передает центральную идею многолетних дебатов об университетской независимости и ее основаниях. До сих пор возможность сохранения университетами собственных логик существования, отличающихся их от других социальных агентов, является одной из наиболее актуальных тем дискуссии о настоящем и будущем академии, результатом которой зачастую является вердикт о (не)жизнеспособности университета.

Обсуждение автономии университета требует предельной контекстуализации — понимания общей направленности социальных изменений, внимания к специфике институционального ландшафта отдельных стран. Неслучайно вопрос об автономии американской академии на долгое время превращается в вопрос о (не)возможности отождествления университета с экономической корпорацией.

Дебаты, инициированные в начале XX в. работами Торстейна Веблена и Антона Синклера²¹, отстаивавших идею автономности университета и «решительно возражавших против самой возможности при-

¹⁷ Бурдье П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдье; алманах рос.-фр. центра социол. и филос. Ин-та социол. РАН / отв. ред. Н.А. Шматко. М.: Ин-т эксперимент. социол.; СПб.: Алетейя, 2001. С. 53.

¹⁸ Там же. С. 52.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 52–53.

²¹ Veblen T. The Higher Learning in America: A Memorandum on the Conduct of Universities by Business Men / Reprint. Ithaca: Cornell University Library, 2009 [1918]; Sinclair U. The Goose-Step: A Study of American Education / Reprint. Book Jungle, 2009 [1923].

менения коммерческих стандартов к высшему образованию»²², фактически на столетие определили специфику исследований американских университетов. Постепенно аналитики вынужденно признали сужение поля академической автономии: говоря об университете «скорее как о корпорации, нежели как о социальном институте»²³, а нередко и вовсе констатируя ее утрату. В последнем случае университет окончательно отождествляется с экономической корпорацией благодаря двум ключевым сходствам — системе менеджмента и основным принципам деятельности, включающим эффективность, предпринимчивость и прибыльность²⁴.

Университетская автономия испытывает влияние структурных изменений — реконфигураций социального ландшафта, появления новых агентов влияния. Основными силовыми полями, расшатывающими саморегуляцию университетского сообщества, а значит, и подвергающими сомнению его институциональную автономность, в настоящее время становятся:

а) глобализация образования и научной деятельности, превращающая университеты в аналог транснациональных корпораций, усиливая роль профессионального управления как значимого механизма координации новых университетских гигантов²⁵. Университеты оказываются включенными в логики, определяемые новыми агентами влияния — международными научными фондами, глобальными рынками производства знаний и образовательных услуг. Сложность новых отношений, изменение характера их агентскости меняет и устройство самих университетов, превращая их в диффузные образования, которые зачастую уже не могут быть помыслены как взаимосвязанная целостность;

б) бюрократизация, или менеджериализация²⁶, как общая логика усиления специализации управления в современном обществе, заменяющая коллегиальную организацию академического сообщества принципами нового менеджериализма²⁷. Менеджер (администратор), обладающий навыками эффективного управления, становится основной фигурой влияния²⁸, сосредоточивая в своих руках регулирование финансовых потоков, человеческих ресурсов, определение приоритетных направлений развития университета: «В своей недавней публикации “Университет как современный институт” ЮНЕСКО... концентрирует внимание на администраторе, а не на профессоре как центральной фигуре сегодняшнего университета»²⁹;

в) экспансия рынка в сферу производства научных идей и образовательной деятельности. В первом случае университеты включаются в существующие рынки консультационных и экспертизных услуг, разрабатывают производство в университетских лабораториях экспериментальных продуктов в сотрудничестве с крупными корпорациями; во втором — используют способы продвижения и взаимодействия с потребителями услуг, обычно свойственные крупным игрокам потребительского рынка;

г) медиализация современного общества, увеличение статуса экспертного знания, повышающего значимость публичных экспертных суждений, значительно меняющих иерархию академического сообщества, приводящих к созданию «академических звезд»: «...постепенное, но неуклонное изменение оснований, на которых возводятся и разрушаются научные репутации, публичная известность и общественное влияние. Эти основания, до поры до времени казавшиеся коллективной собственностью ученых мужей, еще в первой половине ХХ в. перешли в ведение руководства издательских домов. Новые владельцы недолго, однако, управляли своей собственностью; прошло всего несколько десятилетий

²² Donoghue F. The Last Professors: the Twilight of Humanities in Corporate University. N.Y.: Fordham University Press, 2008. P. XIII.

²³ Gumpert P.J. Academic Restructuring: Organizational Change and Institutional Imperatives // Higher Education: The International Journal of Higher Education and Educational Planning. 2000. No. 39. P. 68.

²⁴ Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации / пер. с англ. А. Смирнова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

²⁵ The Edu-factory Collective. Toward a Global Autonomous University: Cognitive Labour, the Production of Knowledge, and Exodus from the Education Factory. N.Y.: Autonomedia, 2009.

²⁶ Дим Р. «Новый менеджериализм» и высшее образование: управление качеством и продуктивностью работы в университетах Великобритании // Вопросы образования. 2004. № 3. С. 44–56.

²⁷ Абрамов Р.Н. Академическая автономия: образы и реальность современного университета [Электронный ресурс] // 2010. Журнал новой экономической ассоциации. Секция 3.3 «Проблемы организации науки». URL: <http://econorus.org/onim/esession.php?id=22> (дата обращения 16.09.2012).

²⁸ Бок Д. Плюсы и минусы коммерциализации [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2003. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/6/2004_1_18.html (дата обращения 16.09.2012).

²⁹ Readings B. The University in Ruins. Cambridge: Harvard University Press, 1996. Р. 3.

тилетий, и она вновь сменила владельца, перейдя в руки руководителей средств массовой информации... Для обозначения интеллектуального влияния ныне более уместна новая версия декартовского «я мыслю»: «обо мне говорят — следовательно, я существую»³⁰.

Происходящие структурные изменения однозначно признаются основными причинами сжатия пространства академической автономии, разрушения логики ее внутренней саморегуляции³¹. К числу основных проявлений кризиса автономии можно отнести:

- нарушение логики научного поля — ограничение циркуляции информации о проводимой научной работе и ее результатах. Подчиняясь коммерческим интересам, университеты стремятся избежать утечки информации, чтобы не потерять первенство в создании продукта и соответственно всей полноты выгоды, что противоположно логике научного знания основанного на обмене идеями, постоянном движении информации³²;
- изменение логики взаимодействия со студентами и внешним окружением, реинтерпретация студентов как клиентов, получающих образовательные услуги, а внешнего окружения — как потенциального рынка или союзника в достижении университетами целей стратегического развития. Логика усиления рыночной привлекательности университета, ориентированная на увеличение потока студентов, а значит, и повышение прибыли университета от образовательной деятельности, меняет характер образовательного взаимодействия, превращая его в «edutainment» — смесь развлечения и обучения, снижая в целом качество образовательных стандартов, подчиняя взаимодействие институтам студентов в логике «клиент всегда прав»;
- нарушение принципов академического взаимодействия — подрыв корпоративной солидарности и доверия, провоцируемый формированием новых иерархий, нередко не имеющих прямого отношения к академическим достижениям и ставящих под угрозу действенность

саморегулирующих механизмов сообщества, состоятельность его ценностей;

- увеличение значимости индивидуальной карьеры, ее относительная независимость от академического сообщества (поддержка продвижения другими институциональными структурами или медиа³³), приобретение новых навыков и компетенций по самопроработке, а также уменьшение академической вовлеченности и низкий интерес к включенности в работу академического сообщества (деятельность различных комиссий, ассоциаций и пр.); «Это существенно меняет и стратегию в среде преподавателей. Бесспорными лидерами в университетских сообществах становится те из них, кто... постоянно работает над своим личным брендом на внешнем рынке, включая престижные премии, шумные публикации, связь со средствами массовой информации и пр.»³⁴.

Оценки нынешнего положения университета нередко пронизаны апокалиптическими настроениями — признанием несоответствия университета как социального института, чьи нынешние черты кристаллизовались в эпоху модернности, реалиям постмодернского общества: постоянной изменчивости требований к производимому и передаваемому знанию при относительной инерционности университета; наличию множественных центров производства знания, расшатывающих интеллектуальную монополию университета; возрастающей экономизации социальных взаимодействий, ведущей к упадку академической автономии³⁵. Подобная позиция продолжает перспективу рассмотрения «университета в руинах», предложенную Биллом Ридингсом, связывавшим кризис университета с разрушением его альянса с национальным государством, бравшим под свою защиту деятельность университета, который, в свою очередь, «ухранил мысль государства»³⁶.

Вместе с тем ряд авторов чуть более оптимистично смотрят на университетское настоящее, оценивая происходящие метаморфозы университета не как утрату автономии, а как приобретение обоснованности нового качества. Предполагается, что новые условия и новые со-

³⁰ Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноzemцева. М.: Логос, 2005. С. 168.

³¹ Shumar W. College for Sale: a Critique of the Commodification of Higher Education. L.: The Falmer Press, 1997; Абрамов Р. Академическая автономия...; Бок Д. Указ. соч.; Бауман З. Указ. соч.; Покровский Н.Е. Трансформация университетов в ситуации глобального рынка // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 4. С. 152–161.

³² Бок Д. Указ. соч.

³³ Бауман З. Указ. соч.

³⁴ Покровский Н.Е. Указ. соч. С. 154.

³⁵ Бауман З. Указ. соч.

³⁶ Ридингс Б. Университет в руинах [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2003. № 6. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=15&article=722> (дата обращения 16.09.2012).

циальные альянсы, частью которых оказывается университет, дают ему основание для обозначения на социальной арене требований, способных стать основанием укрепления университетской позиции. Суть нового положения университета в контексте институциональных трансформаций современного общества и изменения характера современного капитализма Джиджи Роджеро обозначает как переход «из руин в кризис»³⁷. Основание осторожного оптимизма Роджеро заключается в рассмотрении университета как социальной структуры, не только формирующейся внешними воздействиями, приводящими к постепенному сокращению ее автономии, но и представляющей собой весьма эффективный институт, влияющий на конфигурацию общества когнитивного капитализма. Так, Роджеро указывает на двунаправленность происходящих процессов: во-первых, корпоративизацию университетов и параллельное превращение корпораций в университеты, создающие собственные постоянно действующие обучающие центры, заимствующие модели управления и самоорганизации, долгое время являвшиеся частью университетского сообщества; во-вторых, сохранение университетами функции подготовки рабочей силы и в то же время превращение студентов в зачастую не признаваемую, но массовую рабочую силу, требующую особых прав и условий; в-третьих, дополнение процесса джентрификации процессом студенческой конфигурации — изменения конфигурации городского ландшафта под воздействием университетского общества, апpropriации городских пространств университетом.

Учитывая транснациональный, массовый характер современных университетов, изменения, вносимые ими в социальные и физические ландшафты городов и стран, вполне заметны и нуждаются в пристальном внимании и тщательном исследовании, избегающем однозначных оценок и апокалиптических версий. Роджеро отмечает, что описание современного состояния университета требует разработки нового словаря для фиксации происходящих изменений, избегающего однозначного определения происходящего малоинформативным термином «пост-университет».

Стихийное превращение университетской автономии в центральную тему дебата об академии обозначает и легитимирует ценность университета. Однако автономия нередко остается лишь предметом

³⁷ Роджеро Д. Из руин в кризис: об основных трендах в жизни глобального университета [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/po7.html> (дата обращения 16.09.2012).

³⁸ Соколов М.М. Как управляют научной продуктивностью [Электронный курс] // Полит.ру. URL: <http://www.polit.ru/article/2011/03/05/sokolov/> (дата обращения 16.09.2012).

³⁹ Бурдье П. Социальное пространство и генезис «классов» // Социология политики / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Логос, 1993. С. 72.

⁴⁰ Там же.

теоретических рефлексий, ускользая от попыток операционализации и фиксации. Включенная в университеты способность к рефракции, оказывается крайне сложной для эмпирического изучения: «Но когда мы начинаем присматриваться в деталях, например, само понятие “автономия” приобретает очень разные смыслы, которые под влиянием Бурдье обычно склоняются в один-единственный. Т.е. это простой способ вписать очень много разных форм... в одну-единственную простую бинарную оппозицию, который был для нас не очень убедителен»³⁸.

Другим ускользающим концептом оказываются механизмы рефракции, собственно призванные обеспечить независимость университета, как и любого другого социального поля. Признание их значимости отнюдь не гарантировало внимания к способам сопротивления поля, превращая концепцию автономии во многом в механическую схему, на которой обозначены лишь основные игроки и связывающие их отношения. Как именно происходит взаимодействие, остается фактически непроясненным.

На чем же строится столь трудно идентифицируемая автономия академии? По мнению Бурдье, основанием автономности академии и одновременно средством ее экспансии в другие поля служит ее особая роль в системе символического производства модерного общества. Выступая противостоянием интенсивного «производства здравого смысла»³⁹, классификаций, упорядочивающих научный и социальный мир, университет и университетские структуры исполняют роли легитимных агентов номинации, создающих эксплицирено и публично легитимное видение и описание социального мира⁴⁰.

Номинация или производство легитимного дискурса — одна из основных задач университета. Однако дискурс не просто производится — он воплощается и ежедневно разыгрывается в многочисленных действиях университетариев. Участники символического производства укрепляют классификации своей профессиональной деятельности, хабитуализируют их, становятся живыми воплощениями транслируемых

³⁸ Соколов М.М. Как управляют научной продуктивностью [Электронный курс] // Полит.ру. URL: <http://www.polit.ru/article/2011/03/05/sokolov/> (дата обращения 16.09.2012).

Мых идей: «По сути, они отстаивают свои ментальные структуры, свое представление о самих себе, свои ценности и свою ценность, принцип классификации (помос), согласно которому все то, что они делали в течение своей жизни, имеет ценность. Они защищают свою школу»⁴¹.

Система производства социальных классификаций становится одновременно и системой производства соответствующих жизненных траекторий. Академия воспроизводит и усиливает социальное неравенство, «позволяя состояться множеству независимых, но институционально синхронизированных стратегий социального воспроизводства, определяемых инстинктом социального консерватизма, присущего... доминантным группам»⁴². Предпринятый Бурдье анализ профессиональных траекторий выпускников École Normale Supérieure показывает, как доминирующая классовая позиция (принадлежность к высшим классам) имеет все шансы конвертироваться в высокую академическую позицию. Таким образом, университетская система в определенной степени нивелирует роль класса, но лишь затем, чтобы заменить классовое доминирование новыми видами символического господства.

Универсализация университета, подчиненность его общей логике социальной системы проявляется в определении пространства академии как пространства постоянной конкуренции и противостояния. Подход к пониманию академической несогласованности, предлагаемый Бурдье в его работе «*Homo Academicus*», определяет университет как конкурентное пространство, в котором основные игроки соревнуются за доступ к ресурсам (видам капиталов) — власти, финансам, культурному и символическому капиталам⁴³.

Цель конкуренции, разворачивающейся на разных уровнях (например, между факультетами и профессорами, и студентами, — завоевание исключительного права на доступ к ресурсам и влиянию: «подумайте о преподавателе, в особенности о преподавателе философии, который своим тридцати или ста студентам в год предлагает свою продукцию, произведенную в почти исключительно монопольной позиции и распространяемую на маленьком защищенном рынке... Подобного рода механизмы могут лишь удвоить эффект символического

принуждения некоего частного определения культуры и одновременно лишения всего того, что не входит в это определение»⁴⁴.

Борьба за влияние не ограничивается пространством университета и инкорпорацией определенных видов капитала. Позиции, занимаемые агентами в других значимых полях, обладание определенными видами капитала могут конвертироваться в университетские позиции или использоваться для противостояния им. Так, например, значимые фигуры культурного производства, определяющие самый широкий интеллектуальный ландшафт, избавлены от необходимости конкурировать в пространстве университета, но само пространство конкуренции в данном случае бесконечно расширяется.

Вместе с тем, по мнению Бурдье, университетские конфликты (как и конфликты, связанные с культурой, воспитанием) — особенные, отличающиеся высокой интенсивностью. Накал противостояния, как уже отмечалось, предопределен особой ролью университета в современной системе символического производства — созданием легитимной картины мира.

Работы П. Бурдье адресуют академии множество сложных вопросов, проявляющих скрытые сценарии действия. И все же университетская жизнь и в данном случае оказывается надежно защищенной докторской. Применяя универсалистические категории, помещая академию в общую логику действия социальных систем, П. Бурдье зачастую избегает обнаружения ее внутренней логики, словно защищая ее или же давая возможность другим исследователям получить удовольствие от открытия новых горизонтов.

Групповые автономии и способы их поддержания

Неовеберианский подход предпринимает весьма плодотворную ревизию макроперспективы, делая попытку перейти от рассмотрения академии как абстрактной социальной структуры к анализу академического сообщества. Проблематизируя, как и в предыдущем случае, академическую автономию, теоретики неовеберианства рассматривают ее общественные как результат конвенции между профессиональными сообществами, обладающими способностью к самоорганизации, а значит, и созданию эффективных механизмов поддержания независимости, и основными агентами влияния капиталистического общества — госу-

⁴¹ Бурдье П. Университетская докса и творчество...

⁴² Bourdieu P. Homo Academicus. Р. 150.

⁴³ Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 60–74.

дарством и рынком. Таким образом, неовеберянский подход задействует два регистра рассмотрения: анализ сообщества и макроконтекстов, определяющих его положение в социальной структуре общества.

Исходной точкой теоретизации в рамках неовеберянского подхода служит идея Макса Вебера о гетерогенности социального ландшафта капиталистического общества и наличия в нем определенных социальных «автономий». Вебер отмечал, что наряду с господствующим в капиталистическом обществе экономическим порядком, обусловливающим формирование классов, в нем существуют и условия для производства неэкономических — «статусных групп». Отличительными чертами последних считаются: во-первых, связанность непосредственными взаимодействиями (в терминах Вебера, они являются «нормальными сообществами»); во-вторых, обусловленность их общественного положения не позицией, занимаемой на рынке труда, а доступом к определенным почестям и привилегиям — статусом в системе стратификации⁴⁵; «В противоположность классам статусные группы являются нормальными сообществами. Правда, в большинстве своем они аморфны... По содержанию статусную почесть можно выразить следующим образом: это специфический стиль жизни, который ожидается от тех, кто выскаживает желание принадлежать к данному кругу людей»⁴⁶.

Особенность положения такой группы подчеркивается социальной дистанцией и исключительным характером ее привилегий. Использование категории «статусная группа» актуализирует значимость статусных иерархий, а также указывает на важность стиля жизни (стиля потребления, общности, особого характера заключаемых браков и пр.) в конституировании общности. Конвенция, дающая статусной группе возможность принимать почести, поддерживается силой внутригруппового мнения и действий, а также особенностью общественного отношения к ней. Закреплению конвенции, переводу почестей в легальные привилегии способствует получение группой власти и укрепление ее социальной позиции: «Статусная группа встраивается в общество, борется за знаки почести, признание, отстаивает свои иерархические позиции. Она вступает в конкуренцию с другими группами, переопределяет свою территорию, эволюционирует в сторону открытости или закрытости. Кроме того, она претерпевает и внутренние трансформации —

организуется, иерархизируется, распределает власть и регламентирует внутренний доступ к благам и почестям»⁴⁷.

Степень открытости/закрытости статусной группы, ее автономии — важный вопрос для неовеберянского анализа. Ряд неовеберянских аналитиков рассматривают профессиональные и статусные группы как тождественные.

Обращаясь к историческому анализу положения медицинских работников Англии, английские исследователи Майк Сакс и Джудит Олсон приходят к выводу, что основания относительной автономии профессиональных групп в условиях развития рынка и усиления государственного влияния следует искать в формировании государственных механизмов самоорганизации и саморегуляции сообществ. Такими механизмами выступают независимые профессиональные ассоциации, чье право на саморегуляцию сообщества со временем закрепляется законом. Именно «работающие» профessionальные ассоциации становятся «механизмом, который позволяет... отпородиться от влияния развивающегося национального государства и организованного капитала»⁴⁸.

Эффективность самоорганизации профessionальных сообществ нельзя считать величиной постоянной. В случае неспособности профessionальной ассоциации к действенной саморегуляции (предопределяющей успешность ее ответа на запросы общества) общественная конвенция переопределяется, расширяя возможности государственно-го или рыночного регулирования профessionальной деятельности. Научные сообщества, по мнению Сакса и Олсон, выступают примером наиболее ранних профessionальных ассоциаций, обладающих «самоуправлением в том смысле, что они самостоятельно разрабатывали хартии, в соответствии с требованиями которых осуществлялось обуздание, а также контроль допуска и исключения из профessionально-го сообщества. Им свойственен принцип высокой самоорганизации и колективного управления частными интересами членов группы»⁴⁹.

⁴⁵ Гайдеа Ш. Социология профессий: государство, медицина и рынок в Великобритании / пер. с англ. О.В. Лукша [Электронный ресурс] // Федеральный образовательный портал «Экономика. Социология. Менеджмент». URL: <http://ecosostman.hse.ru/text/18171705/> (дата обращения 16.09.2012).

⁴⁶ Сакс М., Олсон Дж. Указ. соч. С. 25.

⁴⁷ Сакс М., Олсон Дж. Социология профессий: государство, медицина и рынок в Великобритании / пер. с англ. О.В. Лукша [Электронный ресурс] // Федеральный образовательный портал «Экономика. Социология. Менеджмент». URL: <http://ecosostman.hse.ru/text/18171705/> (дата обращения 16.09.2012).

⁴⁸ Сакс М., Олсон Дж. Указ. соч. С. 151.

При всей потенциальной плодотворности неовеберянского анализа университетского сообщества, позволяющего сочетать исследования со общества и социальных контекстов, определяющих его существование, стоит оговорить и его ограничения. Во-первых, очевидную увлеченность макроанализом, повышенное внимание к структурным условиям, определяющим состояние академического сообщества. Неслучайно критики неовеберянства указывают на его опущение сходство с функционалистской традицией. Во-вторых, очевидное сужение многообразия мотивации социальных акторов — признание константности мотивов действия статусных/профессиональных групп, сводящихся к критиками к установлению контроля над ограниченными ресурсами⁵⁰, стремлению монополизировать рынки труда и стратификационные позиции: «Профессионализация является попыткой перевести редкие ресурсы профессиональных групп одного порядка — специализированное знание и умения — в ресурсы другого порядка — социально-экономические вознаграждения. Сохранение редких ресурсов предполагает стремление к монополии: монополии экспертного знания на рынке труда и монополии статуса в системе стратификации»⁵¹.

Траектория рассмотрения академического сообщества, выбранная Михаилом Соколовым, отчасти близка к неовеберянской перспективе, сочтая внимание к сообществу с рассмотрением значимых контекстов его существования. В центре внимания автора оказывается репутация ученых как один из механизмов внутренней саморегуляции сообщества (а значит, и его относительной автономии), проявляющий его ценности, а также структурные условия ее производства. Констелляция обстоя-

⁵⁰ Примером фиксированных смыслов действий, приписываемых в неовеберянском подходе профессиональным группам, можно считать определение традиционной профессии как группы интересов, которым удалось занять монополистическую позицию на определенных рынках труда (здравоохранения, юридических услуг, образования и науки). Групповые интересы реализуются посредством: (а) выделения собственной уникальной области знания и трансформации ее в социальный престиж; (б) формирования идеологии профессиональной группы, ее публичного образа, в котором акцент делается на профессиональную этику, альтруистическое служение обществу; (в) создания профессиональных организаций, ассоциаций; (г) практик социального закрытия; (д) контроля реализации профессионального проекта. (См.: Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессий: история, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 42.)

⁵¹ Larson M. Op. cit. P. 66.

тельств, определяющая репутацию и ее значение в академических взаимодействиях, образуется:

- 1) «моральной плотностью» — связанныстью сообщества, наличием в нем устойчивых каналов коммуникации, регулярного взаимодействия, создающего ситуацию «все у всех все время на виду»⁵²;
- 2) значимостью сообщества в целом и отдельных его участников как потенциальных работодателей/коллег в ситуации мобильного рынка труда, высокой академической мобильности;
- 3) культурным контекстом — идеей fair play, поддерживаемой особынностью институциональной организации университетской системы — рейтинговыми и рыночными механизмами. Так, занимающий высокую позицию университет (исследователь) постоянно доказывает другим легитимность обладания определенным местом в системе: «Бремя доказательства своего превосходства лежит на том, кто это превосходство доказывает. Рассеивать подозрения — это работа того, кого подозревают»⁵³.

Соколов отмечает, что сформулированные тезисы о значении репутации и механизмах ее социального и культурного производства во многом носят гипотетический характер. Это скорее исследовательские предположения, требующие постоянного подтверждения и справедливые для определенных фрагментов академического ландшафта, чем универсальные закономерности, проявляющие логику жизни академического сообщества.

Проблематизация микрооптики: университет в процессе становления

Оппозицией обозначенному панорамному видению университета постепенно становится группа подходов, фокусирующихся на исследовании университетской повседневности, использующих микрооптику и со средоточивающихся на подвижных и изменчивых университетских сообществах или же балансирующих между различными регистрами, рассматривая, как университетарии своими действиями и взаимодействиями создают и трансформируют устойчивые логики академии, расположившиеся в ее «институциональный каркас».

⁵² Соколов М.М. Как управляют научной продуктивностью.

⁵³ Там же.

Принципиально важное отличие данной перспективы при всей разнородности ее подходов — рассмотрение университета как пространства производства смыслов и изобретения правил, складывающихся в многообразных, изменчивых практиках и взаимодействиях его участников⁵⁴. При этом производимые смыслы признаются находящимися в постоянном процессе становления и реинтерпретации, что делает анализ университетской жизни принципиально неполным, открытым новым интерпретациям.

Теоретическое обрамление обозначенной перспективы образуется неоинституционализмом, теорией агентскости, дискурсивным антропологизмом (будучи изначально сфокусированным на рассмотрении академии, последний представляет собой наиболее последовательную и чувствительную к особенностям и деталям университетской жизни концептуализацию). Несмотря на значительное различие исходных посылок и категориального аппарата указанных подходов, тема создания и изменения университета как особого социального пространства единогласно помещается ими на авансцену. Порой риторика и фокусы подходов оказываются столь близкими (как это периодически случаются с различными версиями неоинституционализма и теориями агентскости), что их концептуальные различия в представлении о социальном устройстве и действующих агентах отодвигаются на второй план, а сами подходы кажутся удивительно сходными.

Университетский как «человек выбирающий»

Неоинституционализм — одна из наиболее популярных исследовательских перспектив в области исследований образования (Education Studies)⁵⁵. Избегая определения университета как средоточия предзданного набора функций, неоинституционализм признает подвижность и изменчивость университетской среды, значительную роль агентов в ее формировании, «позволяя анализировать не только то, как правила

регулируют поведение людей, но и то, как интересы людей влияют на формальные и неформальные правила»⁵⁶.

Отмечая активность агентов в формировании институциональных рамок, неоинституционализм стремится установить, «как люди создают смыслы в рамках социальных институтов посредством языка и символьских интерпретаций»⁵⁷. При этом предполагается, что пространство действий и выбора в значительной степени ограничено контекстами существования университета — другими институциями, локальной спецификой, предысторией его существования, — определяющими траектории академии и влияющими на выбор его обитателями того или иного сценария действия. С точки зрения неоинституционализма университетский скорее «человек выбирающий», чем «человек творческий». Как отмечают Майкл Хит и Беверли Тайлер, агенты «выбирают и интерпретируют [организационную] среду, реагируют на фиксированные структуры и делают попытку приспособить все остальное к своим интересам»⁵⁸.

С точки зрения неоинституционализма способность университетарев к выбору и особенно влиятельность выбора определяются не только их положением в структуре, но и самой структурной возможностью совершения выбора — потенциальной свободой маневра. При этом сам выбор ранжируется, а наиболее важными считаются стратегические действия — совокупность мер и поступков, направленных на изменение ситуации⁵⁹, а не на поддержание существующего порядка. Возможность выбора агентов каталогизируется и описывается в виде набора фиксированных реакций: уступок, компромисса, избегания, сопротивления или манипуляции⁶⁰.

Агент и структура

Соотношение теоретизации и рефлексивных описаний университетской жизни, как уже отмечалось, обнаруживает значимый разрыв —

⁵⁶ Павленко К.В. Указ. соч. С. 92.

⁵⁷ The New Institutionalism in Education. Р. 7.

⁵⁸ Hitt M.A., Tyler B.B. Strategic Decision Models: Integrating Different Perspectives // Strategic Management Journal. 1991. Vol. 12. No. 5. P. 331.

⁵⁹ Bastedo M.N. Sociological Frameworks for Higher Education Policy Research // Sociology of Higher Education... P. 302.

⁶⁰ Oliver C. Strategic Responses to Institutional Processes // Academy of Management Review. 1991. Vol. 16. No. 1. P. 145–179.

изначально многие описания не основаны на выборе четкой теоретической рамки. Вместе с тем концептуализация подобных рефлексий post factum в ряде случаев вполне уместна и позволяет перейти от насыщенного описания к определению универсальных логик академии.

Вопрос об основных действующих силах академии, роли университетариев в формировании институциональной системы весьма близок к основным вопросам теории агентской, признающей значительное влияние отдельных агентов на состояние системы. По замечанию Маргарет Арчер, рассмотрение культурной системы вне олицетворяющих ее агентов бессмысленно или бесполезно, поэтому анализ всегда стоит начинать «с идей, у которых в рассматриваемый момент есть обладатель»⁶¹.

Агенты очевидно различаются своей способностью институционального воздействия в зависимости от занимаемой структурной позиции, обладания ресурсами и многих других обстоятельств. Действия отдельных персонажей, их последующее признание сообществом (структурой) и соответствующее дискурсивное оформление образуют поворотные точки развития культурной системы в целом и академии в частности.

Признавая значимость агентов — создателей и исполнителей определенных сценариев, — теории агентской способствуют ревизии исследований университета, исходной точкой которой становится вопрос о значимости фигуры университетария. По мнению Бертона Кларка, исследования академиков долгое время представляли собой весьма скромную коллекцию текстов, значительная часть которых десятилетиями не получала подкрепления, в одиночку формируя границы поля⁶². Центральной фигурой ранних, да и более поздних, текстов становятся университетские профессора, формулирующие саму идею университетской корпорации. Ситуация сохраняется до второй половины 1990-х, когда внимание исследователей оказывается поглощено университетской бюрократией — влиятельным агентом, отчетливо заявившим

о своих интересах. Патрисия Гампорт обращает внимание, что многие ранние исследования академиков носили универсалистский характер, фокусируясь на абстрактной когорте профессоров и практики не уделяя внимания разнообразию группы, определяемому положением в академической иерархии, специализацией и особенностями жизни в кампусе, а также отдельным значимым фигурам⁶³.

Сегодня с появлением теорий, подчеркивающих отличие логик действия университетариев в зависимости от их дисциплинарной принадлежности и доступа к принятию значимых решений, положение в значительной степени меняется. Так, в своем классическом тексте, рассказывающем святая святых нынешней академической системы — механизме грантовой поддержке⁶⁴, Мишель Ламон рассматривает отличные логики оценивания научной деятельности при принятии решения о грантовой поддержке⁶⁵, Мишель Ламон рассматривает отличные логики организации дисциплинарных полей и свойственных им представлений об академических «добродетелях».

Нарушая устоявшуюся традицию аморфового рассмотрения академиков, Уильям Кларк в своей работе «Академическая харизма и возникновение исследовательского университета»⁶⁵ подчеркивает влияние ключевых фигур — академических харизматиков — на формирование университетских приоритетов и инновационных форм работы, корпоративного этоса европейских университетов Нового времени. Важной составляющей академической харизмы он считает аскетизм повседневной жизни, подчиненность интересам науки. Описывая жизненные стили академиков, ставших примером аскетизма, он контекстуализирует подобные практики, отмечая, что «корни академического аскетизма следует искать в монастырской предыстории университета». И все-таки роль выдающихся личностей в формировании жизненных практик университетского сообщества оказывается для Кларка весомой и незаменимой, а сами правила коммунитарной жизни — несводимыми к замыслуемым институциональным образцам. Энтони Графтон в своей рецензии на книгу Кларка иронизирует по поводу транслируемости академической аскезы: «В XVIII и XIX столетиях профессорский аскетизм... принял новые формы — преумуще-

⁶¹ Archer M. Culture and Agency: The Place of Culture in Social Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. XXI.

⁶² Clark B. Development of Sociology of Higher Education // Sociology of Higher Education... В своей работе 1973 г. Кларк называет две работы, на долгое время остававшиеся «в одиночестве»: Wilson L. The Academic Man: A Study in the Sociology of a Profession. N.Y.: Oxford University Press, 1942; Lazarsfeld P.F., Thielens W.Jr. The Academic Mind: Social Scientists in a Time of Crisis. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1958.

⁶³ Gumpert P.J. Sociology of Higher Education...

⁶⁴ Lamont M. How Professors Think: Inside the Curious World of Academic Judgment. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009.

⁶⁵ Clark W. Academic Charisma and the Origins of the Research University. Chicago: University of Chicago Press, 2006.

ственno творческих достижений поистине эпического, а иногда и экспрессионистического свойства. Идеальный профессор сегодняшнего образца обладает признаками усталости и духовного истощения: величие ума и глубина эрудиции, как и красота, могут быть достигнуты лишь путем страдания»⁶⁶.

В своем исследовании Кларк сосредоточен преимущественно на инкорпорировании практик (и добродетелей) академических харизматиков в университетский ethos, рассматривая университет как палимпсест, сочетающий рациональные структуры, формальные установления и личный опыт университетариев. Так, по его мнению, определенный стиль повседневной жизни может стать эталоном корпоративного поведения, а его обладатель — ролевой моделью, определяющей характер социализации и приобщения к корпоративным ценностям: «Вольф⁶⁷ заменил обычную для студентов того времени пышную шевелюру на парик — с тем чтобы не тратить драгоценные часы на парикмахера; обходил стороной таверны; и даже перестал посещать лекции, когда пришел к выводу, что может более продуктивно расходовать время, читая рекомендованные книги. Он бесил своего преподавателя тем, что читал с опережением и забирал из библиотеки все книги, которые нужны были Хайне для подготовки к лекциям. Но вскоре его рвение было вознаграждено: он был назначен профессором в возрасте двадцати четырех лет. Этот блестательный, самоотверженный нонконформист парадоксальным образом стал образцом для подражания для следующих поколений студентов»⁶⁸.

Индивид — исходная сила действия, именно траектории отдельных субъектов наиболее часто помещаются в институциональный контекст, рассматривается как решающая сила изменения⁶⁹. Этот пункт оказывается наиболее спорным для критиков подхода, пытающихся обнаружить коллективного субъекта действия и вернуть на социальную авансцену сообщество.

Университетские сообщества и производство университета

Сложные, подвижные университетские сообщества — ключевой субъект действия и стартовая аналитическая точка антропологического подхода. Подобный подход предполагает внимание к повседневной жизни университета и признает ключевую роль университетариев в создании живой и подвижной университетской культуры.

Помещение университетского сообщества как саморегулирующегося механизма в центр исследовательского внимания позволяет понять, как происходило освоение и обживание университета как институциональной модели, как она обогащалась новыми сценариями или, напротив, как происходило расшатывание и переопределение действующих правил⁷⁰. Помимо этого внимание к жизни университетского сообщества предполагает исследователю дополнительные возможности, расфокусируя оптику, позволяя следовать жизненной логике университетских обитателей, нередко выходящей за пределы корпоративного взаимодействия, рассмотреть университет как пространство социального творчества.

Соединяя разрозненные опыты множества действующих лиц и структур, антропологический подход фокусируется на сложной конфигурации рутинного порядка — переплетении формальных установлений с повседневными действиями. Университет, таким образом, рассматривается и как пространство усвоения нормативных предписаний, задаваемых агентами влияния, и как арена противостояния им.

⁶⁶ Представление о диалогичности (или, точнее, полилогичности) университета во многом основывается на идеях Мишеля де Серто о стратегиях и тактиках, формирующими ткань социальности (см.: De Certeau M. *The Practice of Everyday Life*. L.: University of California Press, 1984). Под стратегиями понимаются действия агентов, сосредоточивающихся в своих руках значимые ресурсы (властные, экономические, символические), дающие им возможность определять логику организации определенного пространства, устанавливающую систему правил. Тактики — это реинтерпретации существующего порядка, его рекомбинации, осуществляемые в интересах тех, кто не обладает ресурсами для масштабных действий. Тактики дробят унифицированный порядок, образуемый стратегиями, предполагая альтернативные логики действия. В отличие от стратегий, ориентированных на захват социального пространства и долговременность действия, тактики могут быть кратковременными, изменчивыми, фрагментирующими. Идея взаимодействия стратегий и тактик подчеркивает сложность и диалогичность становления социального пространства.

⁶⁷ Август Вольф — автор книги «Пролегомены к Гомеру» (1795), университетский профессор.

⁶⁸ Цит. по: Графтон Э. Указ. соч. С. 409.

⁶⁹ См.: Lovell T. Resisting with Authority: Historical Specificity, Agency and the Performative Self Theory // Culture and Society. 2003. Vol. 20. No. 1. P. 1–17.

Описание университета как сообщества уже в самой категории фиксирует наличие взаимосвязей и взаимодействий, объединяющих университетариев. Становясь исходной посылкой, аксиомой исследований, сообщество нередко натурализируется. Доказательством существования сообщества считается совокупность фиксированных структур: разделенных правил, ритуалов, символики и пр.⁷¹, — призванных априори свидетельствовать о наличии коммунитарной жизни и социального взаимодействия. В случае натурализации сообщества все сплачивающие механизмы не проблематизируются, значение правил и их действенность не оспариваются.

При всей очевидности коммунитарного характера университетской жизни (объединяющей ее участников общностью пространства, взаимосвязанностью задач, корпоративного этоса, университетской идентичности) использование категории «сообщество» все же нуждается в дополнительной аргументации, прояснении характера и способов взаимодействия. В противном случае высока вероятность производства абстрактных описаний, скорее приписывающих университетским сообществам солидарности, чем объясняющих их.

Очевидно, что не всякое объединение университетариев является результатом актуального взаимодействия. Исследователь российского академического пространства Михаил Соколов иронически использует термин «популяция» для обозначения внешней заданности подобных объединений, их появления как результата исследовательской классификации: «Популяция — гораздо точнее, чем сообщество, потому что они никогда не были сообществом ни в каком смысле, кроме того, что населяли одну территорию»⁷².

Пьер Бурдье отмечает двойственный характер подобных классификаций, в его терминологии — «классов на бумаге». С одной стороны,

⁷¹ Пример антропологического подхода, акцентирующего внимание на следующих способах обнаружения целостности определенной группы: официальном нормативном слое и неписанных правилах поведения, стереотипических чертах и образе жизни, формах повседневного дискурса, ритуалах, символике, сложившихся в определенной среде, — см.: Щепанская Т.Б. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. С. 139–161; Она же. Символизация повседневности и неформальный контроль в профessionальном сообществе // Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен. С. 85–112.

⁷² Соколов М.М. Популяция социологов новой России: стенограмма беседы с М. Соколовым в программе «Найка 2.0» [Электронный ресурс] // Полит.ру. URL: <http://www.polit.ru/article/2011/03/15/sokolov/> (дата обращения 16.09.2012).

они — результат исследовательского произвола, часть аналитической работы исследователя, с другой — обозначение возможности группы быть объединенной, акцентирование «практик и свойств, поведения, ведущего к объединению в группу»⁷³.

Обозначение и описание взаимодействий, связывающих членов университетского сообщества, представляют собой попытку вскрытия оснований и механизмов его интеграции. Корпоративный ethos, при всей его изменчивости и неоднозначности, традиционно рассматривается как механизм сборки сообщества, определяющий его основные стратегии, нередко включая жизненные траектории его участников: «Я работаю в университете, хотя порой мне кажется, что я в нем живу»⁷⁴. Очевидно, что при всех значимых отличиях сообщество и корпорация в определенный момент оказываются связанными друг с другом через ходом жизненных стилей и систем смыслов, повседневной и профессиональной жизни.

Стефан Мелвилл в очень личном тексте «In Memoriam», посвященном памяти Билла Ридингса, указывает на расхождение логики сообщества и университета. Он упоминает особую роль спортивных игр, образующих драматургию повседневной жизни сообщества, соединяющих его участников не корпоративной логикой, но собственными, спонтанно созданными сценариями, дающими сообществу возможность состояться на собственных условиях: «Совместная игра стала настоящим служением. Оно не посвящалось кафедре или профессиональной карьере, университет не был готов признать его значение... Это было развлечением, и это было важно»⁷⁵.

Таким образом, обнаружение в повседневной жизни академиков человеческих интересов, выходящих за границы университетской корпоративности, это в определенном смысле и обнаружение оснований самоорганизации сообщества, новых сценариев коммунитарной жизни, совместного социального творчества: «Однажды... коллега спросил меня, играю ли я в теннис? Я ответил отрицательно. Он среагировал мгновенно: «Очень плохо, я надеялся, что они наконец-то примут на работу живого человека»⁷⁶.

⁷³ Бурдье П. Социальное пространство и генезис «классов». С. 59.

⁷⁴ Readings B. Op. cit. P. 6.

⁷⁵ Melville S. Memoir. In Celebration of Academic and Athletic Excellence // Surfaces. 1996. Vol. VI. 205 (V.1.0A — 09/09/1996). P. 15–16.

⁷⁶ Ibid. P. 8–9.

Для подхода, в центре внимания которого оказывается логика сознания и изменения университета, особое значение приобретают трансформации университетского сообщества, раскрывающиеся через взаимодействие и общую событийность, связывающую его участников и одновременно конституирующую его как сообщество, проявляющую его основные черты. События не только подтверждают наличие взаимодействия, но, будучи включенными в символическое производство, образуют дискурсивное пространство, проявляющее университетскую доксу — институциональные полезности презентации и памяти. В этом случае особый интерес представляет вписанность различных событий в историю сообщества и институциональную историю. Существующий канон репрезентации событий университетской жизни, поддерживаемый в том числе и исследованиями академии, можно представить как канон успешности, подчеркивающий культурную значимость университета, представляющий его как пространство удачных опытов (блестящих защите, продуктивных дискуссий, эффективной кооперации). В то же время ряд исследователей указывают на очевидную ангажированность репрезентации событий, ее подчиненность приоритетам корпорации. Например, Крис Голд отмечает, что университеты обращают повышенное внимание на мотивы поступления или прихода на работу, но практически не рассматривают причины увольнений или прекращения учебы⁷⁷.

Другой «фигурой умолчания» можно назвать университетские конфликты. Особенность существующих практик рассмотрения конфликтов в академических сообществах заключается в дистанцировании конфликта. Он воспринимается скорее как область изучения или сфера применения профессиональных навыков (то, что существует за пределами сообщества, на что направлен его взгляд), чем атрибутирует университетской жизни⁷⁸. Немногочисленные работы, посвященные академи-

⁷⁷ Golde C.M. The Role of the Department and Discipline in Doctoral Student Attrition: Lessons from Four Departments // Journal of Higher Education. 2005. Vol. 76. No. 6. P. 669–700.

⁷⁸ Исключением являются публикации: Антощенко А.В. История одной профессорской отставки // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 4. М., 2002. С. 234–272; Вишленкова Е.А. Публичная и частная жизнь университетского человека Казани XIX века // Адам и Ева: альманах гендерной истории. М., 2004. № 7. С. 172–201; Вишленкова Е.А., Мальшиева В.Ю., Сальникова А.А. Указ. соч.; Свеников А.В. «Вот Вам история нашей истории»: к проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX — начала XX в. // Мир истории: историографический сборник

ческим конфликтам, как правило, не рассматривают их как механизм изменения университетского сообщества, локальных контекстов или институциональных структур, но, скорее, представляют собой набор курьезов, забавных случаев или же рассматривают университет как пространство объективации общественных конфликтов (классовых, гендерных, расовых и др.), нивелируя значимость или отрицая саму возможность внутриуниверситетских разногласий⁷⁹.

Исследование событийности направлено на обнаружение событий, проявляющих основные смыслы и логику взаимодействия сообщества, поддерживающих его как целостность, (вос)производящих иерархичность, создающих разделенные способы чувствования — расставляющих эмоциональные акценты. События становятся механизмом включения/исключения человека из жизни группы.

Наиболее часто исследователи обращаются к изучению ритуализированной событийности университетов (праздникам, церемониям посвящения и пр.), достаточно доступной для исследовательского анализа в силу своей повторяемости и артикулированной ценности — стабилизации и мобилизации сообщества, формированию и проявлению его идентичности. Однако регулярно воспроизведимые ритуалы могут утрачивать свое значение в жизни группы или менять смысловое насыщение, требуя постоянной исследовательской ревизии смыслов устоявшихся форм взаимодействий, чтобы через изменение значения событийности говорить о переопределении социального целого. Так, Энтони Графтон отмечает, что университетские церемонии (как воплощение истории и верности традициям) сегодня не только важны для внутренней жизни сообщества, но и, наряду с другими обстоятельствами, становятся важной частью университетского брендинга — позиционирования университета на рынке образовательных услуг: «Со-

Вып. 1. Омск, 2005. С. 231–261; Антощенко А.В. Университетский устав 1863 г. и конфликты в профессорской среде [Электронный ресурс] // Омский государственный педагогический университет: всероссийская конференция «Социальные конфликты в истории России». URL: http://www.omgpu.ru/science/conf/conflicts-2008/download/antoschenko_av.doc (дата обращения 4.02.2012); Свеников А.В., Антощенко А.В. Конфликт без скандала в университете // Мир Клио: сб. ст. в честь Лоринды Петровны Репиной. Т. 2. М., 2007. С. 115–134; Шперхазе К. История науки как история конфликтов // Новое литературное обозрение. 2009. № 96. С. 9–16; Мост Г.У. Век столкновений: как немецкие антикovedы ХIX столетия упорядочивали свои дебаты // Новое литературное обозрение. 2009. № 96. С. 17–27.

⁷⁹ Делбанко Э. Скандалы в высшем образовании: (обзор публикаций об американском высшем образовании) // Вопросы образования. 2007. № 1. С. 304–322.

временные вузы искренне стремятся отыскать лучших преподавателей и ученых — тех, кто работает в своих областях на переднем крае развития науки, — но они хотят при этом сохранить традиционные аспекты университетской культуры и, подобно своим учителям, с важностью носить мантию. Они надеются, что некая не поддающаяся определению комбинация этих качеств привлечет в их вуз наилучший контингент семнадцатилетних абитуриентов»⁸⁰.

Устойчивые взаимодействия, регулярная событийность, образующие календарь, ритмы жизни сообщества, — лишь одна из возможных логик саморегуляции. Особое значение в жизни университетариев имеют проишествия, радикально преопределяющие условия существования группы, после которых «ничто уже не будет прежним», а также нерегулярные и локальные события, способствующие не радикальной трансформации, но реконфигурации сообщества — изменению иерархий, логики взаимодействия⁸¹ и пр. Их влияние зависит от сложившихся правил взаимодействия, а роль в жизни сообщества подчеркивается эмоциональностью реакции задействованных участников, их воздействием на повседневную жизнь членов сообщества.

Пространственная жизнь университетского сообщества. Университет в пространстве города

Фокусируясь на жизни университетского сообщества, антропологический подход подчеркивает значимость ее пространственных координат. Университетская жизнь всегда имеет пространственное воплощение. Используя различные масштабы рассмотрения, мы можем говорить об особом «пространстве и времени университета»⁸², а также о его многообразных связях с «внешним миром». Университетское пространство и темпоральность образуются разделенными пространствами университетских построек, лекционных залов, библиотек, лабораторий и общежитий, особой ритмикой университетской жизни, создающими «атмосферу защищенности и исследовательского поиска, временно

отделяющую»⁸³ университетариев от неуниверситетского мира. Будучи особым местом, университет оказывается не только отделенным от внешнего мира, но и соединенным множеством повседневных связей с другими пространствами.

Рассматривая связь университетских людей с их непосредственным городским окружением, описывая историю университетов как развивающуюся в конкретных городских контекстах⁸⁴, исследователи стремятся преодолеть во многом типичный для социальных наук «взгляд одновременно отовсюду и конкретно ниоткуда». Аналитики предстепают от нецелесообразного и крайне абстрактного разговора о городе и университете вообще, подчеркивая различие историй и логик подобного взаимодействия⁸⁵.

Примером анализа, сосредоточенного на обозначении различий в отношениях «университет — город», можно считать работу Дэвида Чарльза «Университеты и их взаимодействие с городами, регионами и местными сообществами»⁸⁶. Не стремясь к созданию классификации или установлению какой-либо сопоставимости, не всегда выдерживая четкие логические критерии, Дэвид Чарльз выделяет следующие группы отношений университетов и городов в Великобритании: «Первая группа представлена широко известными университетскими городами, такими как Кембридж, Оксфорд. Эти города вырастали и развивались вокруг университетов, а кампусы, как с физической, так и с функциональной точек зрения, всегда доминировали над историческими центральными группами городов. На сегодняшний день эти города и университеты воспринимаются как единое целое, несмотря на то что сами университеты в первую очередь ориентированы на международную аудиторию, а между местным населением и обособленными университетскими городками складывается напряженность.

Вторая группа — противоположность городам-университетам — это университеты, ассоциируемые с городом, как правило, это недав-

⁸³ Chatterton P. University Students and City Centres: The Formation of Exclusive Geographies: The Case of Bristol, UK // Geoforum. 1999. Vol. 30. Issue 2. P. 117–133.

⁸⁴ Университет и город в России: (начало XX века).
⁸⁵ Van der Wusten H. A Warehouse of Precious Goods: The University in its Urban Context // The Urban University and its Identity: Roots, Locations, Roles / H. van der Wusten (ed.). Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997. P. 4.

⁸⁶ Charles D.R. Universities and Engagement with Cities, Regions and Local Communities // Rebalancing the Social and Economic: Learning, Partnership and Place / C. Duke, M. Osborne, B. Wilson (eds). Leicester: NIACE, 2005. Ch. 10.

⁸⁰ Графтон Э. Указ. соч. С. 408.

⁸¹ Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004.

⁸² Bourdieu P., Passeron J.C. The Inheritors: French Students and their Relation to Culture. Chicago: University of Chicago Press, 1979. P. 29.

ние университеты, выросшие из бывших политехнических институтов, которые формировались в определенных городах.

Третью группу составляют городские (*civic*) университеты, выходящие за пределы городов, имеющие региональное значение, но изначально создаваемые при значительном участии городских властей. В отличие от городских университетов, локализованных в городах, но ориентированных на потребности регионов, существует другая группа университетов, располагающихся за пределами города (*out-of-town campuses*) и демонстрирующих отсутствие тесных связей с городом⁸⁷.

Как можно заметить из приведенного примера, связь университета и города определяется не только логикой их собственных отношений, но и включением (как университета, так и города) в более широкие контексты — региональные, национальные, глобальные. Существование в нескольких пересекающихся реальностях зачастую увеличивает сложность описания отношений «университет — город», требует учета множественных контекстов, формирующих взаимодействие.

Особый статус города (его стиличность, региональная значимость) предполагает дополнительные возможности для развития университета, открывая доступ к широкому ряду ресурсов и в то же время накладывая определенные ограничения (пространственные, политические и др.) на университетскую жизнь. При этом отношения университета и города представляют собой постоянный диалог и взаимную настройку, варьирующуюся от относительной хозяйственной, правовой, культурной изоляции и автономии до приспособления и взаимных изменений. Такая взаимная адаптация означает, что и город может использовать различные ресурсы университета, в том числе и символические. Университет при этом входит в число городских «иконических объектов», презентирующих город, повышающих его статус. В этом случае университета появляются дополнительные основания рассчитывать на более выраженную поддержку городских властей и горожан.

Обращаясь к отношениям, складывающимся между городами и университетами, исследователи нередко рассматривают их как обмен возможностями и значимыми ресурсами. Например, появление университета в уже обжитом городе предполагает широкое использование университетскими профессорами и студентами возможностей, предоставляемых городской жизнью (публичные пространства — библиотеки, музеи, выставочные залы; развитый рынок жилья; городская инфраструктура, интенсивная культурная жизнь и многое другое), при этом сам университет постепенно превращается в значимую часть городского публичного пространства⁸⁸. Университет способен стать структурирующим центром городского района или города в целом⁸⁹, а также особого пространства — университетского города или кампуса, формируя особую среду, соответствующую запросам университетских обитателей.

Развитие кампусов ставит под сомнение городской дух университетов. Будучи во многих случаях принципиально антигородским проектом⁹⁰, к достоинствам которого, помимо прочего, его создатели отнесли «изолированность от городской сути и безумств современного общества»⁹¹, кампус превращает университетскую жизнь в основание жизненного уклада местного сообщества, формирует особое пространство, призванное максимально проявить «академические и общественные качества» его обитателей⁹², создает социальную среду небольшого поселения. Кампус подчеркивает и усиливает «самодостаточность университетской жизни, а значит, и ее самостоятельность»⁹³.

Признавая множественное влияние университета на городскую жизнь (экономическое, политическое, культурное), исследователи рассматривают университетскую среду как инициирующую и катализирующую ряд городских процессов, способствующую формированию новых городских пространств и практик. В частности, российские исследователи признают особый вклад университетов в формирование публичного пространства российских городов XVIII–XIX вв., отмечая их выраженное цивилизующее влияние: «Сама логика университетов

⁸⁸ Bender T. Scholarship, Local Life, and the Necessity of Worldliness // The Urban University and its Identity... Р. 17–47.

⁸⁹ The University as Urban Developer: Case Studies and Analysis / D.C. Perry, W. Wiewel (eds). N.Y.: M.E. Sharpe, 2005; Chatterton P. The Student City: An Ongoing Story of Neoliberalism, Gentrification, and Commodification // Environment and Planning. 2010. Vol. 42. Р. 509–514.

⁹⁰ The University and the City: from Medieval Origins to the Present / T. Bender (ed.). N.Y.: Oxford University Press, 1988.

⁹¹ Из речи Даниэла К. Гилмана (1876), первого президента The John Hopkins University. Цит. по: Bender T. Op. cit. Р. 18.

⁹² Muthesius S. The Postwar University: Utopianist Campus and College. New Heaven: Yale University Press, 2000.

⁹³ Ibid. Р. 24.

⁸⁷ Перфильева О.В. Университет и регион на пути к реализации третьей функции // Вестник международных организаций. 2011. № 1 (32). С. 135.

ской жизни диктовала другое. Университет жил открыто, сея навыки нового, цивилизованного быта. Публичные действия, связанные с функционированием университета — торжественные церемонии и учёные торжества, открытые диспуты, где студенты должны были проявить в присутствии зрителей, лекции с демонстрацией физических опытов, процедуры награждения отличников и т.п., — все это нетрадиционные, новые по сути своей ритуалы, которые играли особую роль в усвоении населением города нового культурного опыта. Постепенно в него втягивались и горожане, переходя от незнания, удивления и любопытства к включенности в новую культурную деятельность. Университетский театр стал общедоступным (университетская труппа фактически эволюционировала в сторону публичного городского театра). Библиотека университета стала первой публичной библиотекой Москвы. Физические лекции с демонстрацией эффектных опытов были публичными»⁹⁴.

Университет, таким образом, идентифицируется как один из важнейших агентов, меняющих повседневную жизнь горожан, формирующих новые условия городской жизни. Однако открытым остается вопрос о значимости роли университета в процессе «цивилизации», соотношении университетских усилий и действий других городских структур или публичных пространств, а также реакции горожан на университетские новации, их включенность в поле новых культурных практик. Состоятельность университета как публичного пространства (в том числе и городского) усиливает общественный резонанс университетских событий, укрепляет значение университета как политической арены. Университетские волны, неоднократно выплескивавшиеся в городское пространство, становились основаниями переопределения конвенций городской жизни, а также вполне материальных ответов на угрозу стабильности (к которым можно отнести развитие «бункерной архитектуры» в ответ на студенческие восстания 1960-х).

Последние исследования, оценивающие влияние университетов и университетской публики на городскую жизнь, все чаще рассматривают этот процесс не со стороны университетов, а со стороны горожан. Изменение оптики приводит и к переоценке взаимодействия. В поле зрения исследователей попадают не только позитивные изменения, но

и неблагоприятные эффекты взаимодействия, обнаруживаются противоречия городской жизни, обостряемые университетами как крупными капиталистическими корпорациями, играющими особую роль в современной экономике знаний. Выступая в роли одного из ключевых игроков городской жизни, университеты определяют стратегии развития крупных городов, формируют масштабные рынки недвижимости, труда и потребительские рынки. Этот процесс в определенной степени находится в русле традиционного влияния университетов на городскую экономику. Однако усилившийся в последние десятилетия процесс «студентификации»⁹⁵ — резкого увеличения числа студентов и возрастания культурной ценности периода студенческой жизни⁹⁶ — по мнению исследователей, способствовал изменению конфигурации ряда крупных городов (основным предметом исследования в данном случае выступают британские города). Коммерциализация городской жизни, поддерживаемая университетами и студентами, превратившимися в основных потребителей городских сервисов и пространств, формирует особые пространства ограниченной доступности (ценовой, физической, символической), усиливает процессы джентрификации и фактически отчуждает часть городских пространств, ощущимо меняя ландшафт города. Таким образом, можно заметить, что университеты не только принимают активное участие в производстве городского публичного пространства, но и способствуют его отчуждению и приватизации.

Взаимодействия горожан и университетской публики нередко описывается в литературе как стихийные повседневные встречи и коммуникации, определяемые общностью разделляемого городского пространства⁹⁷. Вместе с тем подобные взаимодействия могут быть частью вполне осознанной стратегии. Отношения «университет — местное сообщество» — одна из наиболее обсуждаемых тем в современной дискуссии, связанной с университетами. Превращение университета в современную капиталистическую корпорацию — крупного агента, базирующегося в различных системах координат (от городской до глобальной), по мнению ряда авторов, делает неизбежной его ответственность за состояние местных сообществ. Действия университета, таким

⁹⁴ Кулакова И.П. У истоков высшей школы: Московский университет в XVIII веке [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2002. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2002/2/kulak.html> (дата обращения 17.09.2012).

⁹⁵ Chatterton P. The Student City... Р. 514.

⁹⁶ Университет и город в России: (начало XX века).

образом, лишаются специфиности образовательной институции и подчиняются общей логике функционирования бизнес-структур.

Раздел I

СООБЩЕСТВО ПО ПРОИЗВОДСТВУ ТЕКСТОВ

***

Интеллектуальный ландшафт исследований университета крайне многообразен, несмотря на то что сам университет относительно недавно попал в фокус социальных наук, будучи растворенным во множестве институций, формирующих систему образования. В данном тексте я постаралась обозначить основной набор концепций, задействованных в исследованиях университета, раскрывая как сферы плотной концептуализации, так и исследовательские лакуны, ожидающие своего аналитического наполнения.

Доминирование макроподходов, установленноеся в поле университетских исследований, долгое время предопределяло его панорамное видение. Вероятно, обращение к микроподходам или балансирование между регистрами поможет установить подвижную, в некотором отношении стихийную и творческую картину университетской повседневности и особой академической событийности, показать освоение и изменение институциональных условий согласованными действиями университетариев.

Прорисовывание ландшафта исследований университета, обозначение основных направлений концептуализации — это не только противостояние сложившейся доксе, но и производство новой доксы, легитимация определенного представления об академии. Следовательно, можно надеяться, что в постоянной рефлексии и саморазоблачении — сознательной открытости сценариев производства знаний об академии — заключается одна из возможностей преодоления догматичности и превращения доксы из непреодолимого препятствия в постоянно обновляемый инструмент исследования.

ственного опыта, что так важно для автобиографического жанра. Автор некролога одному талантливому философу (не оставившему мемуаров) резонно напомнил об этих качествах, важность которых распространяется отнюдь не только на дисциплинарное пространство одного научного сообщества: «Нужно представить себе атмосферу позднесоветской философии с ее тотальным конформизмом и постепенно все захватывающим цинизмом в отношении любого проявления свободной мысли, чтобы понять, сколько интеллектуального мужества требовалось для того, чтобы следовать в своем духовном опыте кантовскому императиву “мысли самостоятельно”». Это удалось не многим, почти единицам, оказавшимся способными мыслить вопреки господствующим правилам, определявшим ситуацию публичного безмыслия»⁸¹.

Публичное безмыслие было обусловлено общим опытом несвободы, хотя опыт этот, разумеется, не был бесплодным⁸². Так или иначе, феномен постсоветского академического мемуара нуждается в дальнейшем осмыслиении, в том числе компаративном и социально-историческом. Последняя точка в истории этого жанра не поставлена, и, возможно, самые острые и глубокие автобиографические размышиления о советском прошлом нам еще предстоит прочесть.

Сведения об авторах

Баженова Анна Юрьевна — кандидат исторических наук; аспирантка кафедры истории историографии и методологии истории Института истории факультета гуманитарных наук Люблинского католического университета Иоанна Павла II (Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II).

Вишленкова Елена Анатольевна — доктор исторических наук, заместитель директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева, профессор факультета истории НИУ «Высшая школа экономики».

Галиуллина Руфия Хазибовна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГКОУ «Казанский юридический институт МВД России».

Дмитриев Александр Николаевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева, доцент факультета истории НИУ «Высшая школа экономики».

Запорожец Оксана Николаевна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.
Ильина Кира Андреевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева НИУ «Высшая школа экономики».

Костина Татьяна Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала архива РАН.

Кулакова Ирина Павловна — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета.

⁸¹ Плотников Н. О Владимире Калинченко [1948–2008] // Логос. 2008. № 6. С. 237.
⁸² См. соображения в племянке философом Михаилом Немцевым: Дмитриев А.Н. Мертвая вода, советские мыслители и гамбургский счет [Электронный ресурс] // Идеи и идеалы. 2010. Т. 2. № 4 (6). С. 20–23. URL: http://ideaidaly.ru/wp-content/uploads/2012/02/A.N.Dmitriev_46_2010_t_2.pdf (дата обращения 22.10.2012).